

RU

Вопросы отражения исторических событий в сюжете и образная система произведения

Мышкина А. Ф., Исаев Ю. Н., Ядранская И. В.

Аннотация. Цель исследования – определить роль и значение исторических событий и фактов в поэтике художественного произведения. Бесспорно, любое произведение в той или иной степени опирается на фактический материал нашей жизни. Он может иметь частное или общественное значение. Зачастую подобные фактические или исторические материалы для писателя становятся способом наглядной иллюстрации определенной (главной или второстепенной) идеи. В статье анализируются произведения, в которых историческое развитие страны становится фабулой повествования. В литературоведении XX века подобные сочинения традиционно определялись как исторические романы. Научная новизна исследования связана с необходимостью конкретизации жанровой структуры исторического романа и определения эстетического значения использования исторического материала в современных романах. Данная проблема связана с необходимостью осознания художественно-исторической действительности и исторической правды в сюжете произведения. В результате доказано, что историческая действительность, воссоздаваемая писателем на страницах конкретного произведения, не является зеркальным отражением исторического пути страны и народа; в художественном произведении она становится субъективной реакцией автора на определенные исторические события.

EN

Issues of reflecting historical events in the plot and the figurative system of a literary work

Myshkina A. F., Isaev Y. N., Yadranskaya I. V.

Abstract. The research aims to determine the role and significance of historical events and facts in the poetics of a literary work. Undoubtedly, any work is based to one degree or another on the factual material of our lives. It may have private or public significance. Often, such factual or historical materials become a way for a writer to visually illustrate a certain (main or secondary) idea. The paper analyzes the works in which the historical development of the country becomes the plot of the narrative. In the literary studies of the 20th century, such works were traditionally defined as historical novels. The scientific novelty of the research is connected with the need to specify the genre structure of the historical novel and to determine the aesthetic significance of the use of historical material in modern novels. This problem is connected with the need to comprehend the artistic and historical reality and historical truth in the plot of a literary work. As a result, it has been proved that the historical reality recreated by the writer in a particular work is not a mirror image of the historical path of the country and the people; in a literary work, it becomes the author's subjective reaction to certain historical events.

Введение

Актуальность темы связана с необходимостью изучения возможных проявлений исторической правды в сюжете художественного произведения и методов создания исторической действительности в его поэтике. Данное положение имеет значение, так как в современной культуре наметилась тенденция «переписывания» исторических фактов и событий в русле собственного видения.

Достижение поставленной цели предполагает решение и следующих задач: установить признаки исторической правды и исторической действительности; аргументировать появление произведений «неисторического» жанра с историческим контекстом в художественном творчестве; рассмотреть мемуарный жанр литературы как способ объективной передачи исторических событий и фактов; выявить эстетическую роль исторических дат, документов в романах Г. Яхиной; охарактеризовать особенности создания национального

мира героя в поэтике романов Г. Яхиной; выявить художественно-эстетическую связь между историческими событиями сюжета и образной системой произведения.

Для определения способов проникновения исторического в поэтику произведения в статье применяются следующие методы исследования: сравнительно-сопоставительный анализ, который помогал выявлению общих приемов использования исторического материала в произведениях Г. Яхиной и С. Николаева, а также отличительных признаков художественно-исторического и мемуарного жанров; культурно-исторический анализ, способствовавший выявлению документального материала, исторического и культурного контекста в исследуемых произведениях.

В качестве материала исследования были использованы романы Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза» (Яхина Г. Зулейха открывает глаза: роман. М.: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2018а) и «Дети мои» (Яхина Г. Дети мои: роман. М.: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2018b), книга «Воспоминания» Семена Николаева (Николаев С. Н. Воспоминания. Прага: Русская традиция, 2015).

Теоретическую базу исследования составляют литературоведческие и культурно-исторические работы отечественных литературоведов и критиков, в которых изучены разные грани поэтики романов русскоязычного татарского писателя Г. Яхиной и исторического жанра: жанрово-стилевые особенности романов Г. Яхиной (Аскар, 2019; Аюшиева, Хосомоев, 2019; Кумышева, Кучукова, 2016), вопросы исторического жанра и истории народа в художественном творчестве (Лепишева, 2021; Москалев, 2022; Тимижев, Бозиева, Хульчаева, 2016; Ханенко, 2017; Мышкина, Ядранская, 2021), проблемы отражения трагедии конкретного времени (репрессии 1930-х гг.) в произведении (Низамбиева, 2020; Паринова, 2020; Старикова, 2015).

Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее материалов при монографических исследованиях по вопросам исторического жанра, жанровых особенностей современного романа, а также в рамках учебных дисциплин «Теория литературы» (вопрос типологии романов), «Современная русская литература» (особенности произведений русскоязычных авторов национальных литератур), «История татарской литературы» (творчество русскоязычных писателей).

Обсуждение и результаты

В художественной литературе широко известен жанр исторического романа. Произведения этого жанра чаще всего характеризуются тем, что в них сюжетная линия разворачивается на фоне происшествий далекого или более близкого прошлого. Также для него типичны такие составляющие, как «реальные события», «исторические личности», «исторический контекст». Однако начиная с 1930-х годов в литературах народов России, в том числе и в русской литературе, появилось множество произведений с историческим контекстом и историческими личностями в системе образов, не относящихся к историческому жанру. Подобное явление свое широкое отражение нашло в произведениях о Великой Отечественной войне. Более того, начиная с середины 1980-х годов широкое распространение получили произведения (чаще всего прозаического жанра), в сюжетной основе которых лежало подвергающееся критике и порицанию советское прошлое (Мышкина, 2008; 2019; Мышкина, Ядранская, 2021; Тимижев, Бозиева, Хульчаева, 2016).

И все это привело к тому, что изменился и сам подход к толкованию исторического жанра: во-первых, «в литературе последней трети XX в. обозначились новые “горизонты” в осмыслении традиционных в исторической прозе проблем: “человек и история”, “личность и государство”, “роль личности в истории” (произведения Д. Балашова, В. Пикуля, С. Бородина, В. Лебедева, Ю. Давыдова). Возрождение исторической памяти, восстановление причинно-следственной связи истории страны с российской действительностью, поиски ответов на злободневные нравственные, социальные вопросы – вот аспекты, значимые для современной русской исторической прозы» (Ханенко, 2017, с. 104). И, во-вторых, «среди направлений в современной исторической романистике, обращаясь, в основном, к переломным моментам прошлого, очевидно тяготение к проблемам государственности, власти, общечеловеческих ценностей, нравственности, вероисповедания» (Ханенко, 2017, с. 104).

Наиболее значимыми историческими событиями XX века, которые получили разностороннее художественно-эстетическое исследование в литературном творчестве, стали: Революции 1905 и 1917 годов; Первая мировая война; Гражданская война 1918-1922 годов; сталинский режим; Вторая мировая война; хрущевская оттепель; перестройка и распад СССР. Именно «темы коллективизации и сталинских репрессий актуализировали в литературе особые жанровые формы, воспринимаемые как “нормы” их эстетического осмысления. Это, во-первых, исторический роман (М. Шолохов, В. Белов, С. Залыгин и др.) с его фактографичностью, достоверностью, философским наполнением, во-вторых, опыт “лагерной прозы” 1950-1990-х годов (А. Солженицын, В. Шаламов, С. Довлатов, В. Максимов и проч.), документальной, сосредоточенной на “экзистенциальной среде лагеря”, обладающей особой авторской рефлексией (память, запредельный опыт)» (Старикова, 2015, с. 169).

Мы видим необходимость более глубокого анализа подобных произведений с учетом таких понятий, как «историческая правда» и «историческая действительность». В рамках данного исследования эти понятия мы рассматриваем как близкие, но не тождественные явления. Так, «историческая правда – это отличающаяся особой социальной значимостью достоверная информация об исторических событиях, подтвержденная историческими фактами, которая требует сохранения и защиты от изменения. Данное понятие неразрывно связано, в первую очередь, с событиями Второй мировой войны, в частности, Великой Отечественной войны» (Москалев, 2022, с. 1077). Здесь важное значение имеют архивные документы и памятники, научные монографии и научные статьи.

Историческая действительность формируется путем синтеза социальных, экономических, политических, культурных и духовных аспектов жизни общества в определенный исторический период. Подобная картина чаще всего возникает в сознании отдельного человека. Именно поэтому следует выделять две формы репрезентации исторической действительности: первая – субъективная (представленная конкретными, авторскими исследованиями или описаниями) и вторая – объективированная (обобщенный, собирательный образ, общепризнанная научная картина исторической действительности). В художественном творчестве могут присутствовать обе формы репрезентации исторической действительности.

Определенные исторические события и собственное видение этих событий отразил в своей книге «Воспоминания» С. Николаев. Уже в аннотации этой книги подчеркиваются документальность и автобиографизм повествования. Так, составители книги пишут: «Автор воспоминаний Семен Николаевич Николаев (1880-1976) пережил страшную эпоху войн, революций и массовых репрессий. Выходец из чувашских крестьян, он окончил Симбирскую духовную семинарию и юридический факультет Казанского университета. Член партии эсеров с 1904 года. Служил судебным следователем и затем унтер-офицером в Первую мировую. Окончил Павловское военное училище в Петрограде. В ноябре 1917-го был избран депутатом Всероссийского учредительного собрания, разогнанного большевиками, а во время Гражданской войны – секретарем эсеровского КОМУЧа. После долгих мытарств он оказался во Владивостоке и был вынужден бежать из страны (1922). Работал секретарем и заведующим библиотекой Парижского Земгора – видной общественной организации, помогавшей русским эмигрантам в Чехословакии. Состоял членом комитета Земгора и ученой комиссии Российского зарубежного исторического архива. В мае 1945-го был арестован в Праге органами НКВД, этапирован на Лубянку и приговорен к пяти годам тюремного заключения, с последующей высылкой на поселение в Красноярский край. Одним из немногих он чудом вернулся в Прагу (1956). Посмертно реабилитирован (1992)» (Николаев, 2015, с. 4).

Автор «Воспоминаний» не определил жанр своего сочинения. Судя по содержанию, его более уместно отнести к мемуарной литературе. Об этом же пишет и сам С. Николаев в части «Предисловие автора»: «Само по себе повествование о событиях и фактах моей незначительной и незаметной жизни не может претендовать ни на занимательность, ни на поучительность. Но эти события и факты возникли и протекали в определенной социальной среде и часто вызывались и обуславливались объективным ходом общей жизни, с непреодолимой силой влекшим меня, независимо от моей воли и даже вопреки ей, в водоворот беспримерных социально-политических потрясений. В моих переживаниях, думах и поступках в определенные периоды социально-политических бурь и волнений отображались переживания, думы и поступки тысяч российских обывателей. В этом аспекте мои частные, индивидуальные переживания и действия являются как бы общими, типическими, и потому они в какой-то мере могут заслуживать внимания людей к прошлому своих сограждан, вовлеченных в бурный поток жизни в определенную эпоху истории» (2015, с. 11-12).

Данное сочинение С. Николаева раскрывает определенные грани воздействия исторических событий на судьбу и жизненный путь отдельного человека. Несмотря на бесспорный субъективизм повествования, чувствуется, что автор «Воспоминаний» стремится к максимальной передаче всей исторической правды первой половины XX века. Для достижения этих целей он отстраняется от ярко выраженных личностных суждений и оценок, а также от эмоционально-экспрессивной лексики. Именно поэтому описанные им события воспринимаются как исторический факт, деяние, которое не вызывает сомнения.

Совершенно иное построение повествования можно наблюдать в романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза», в котором эмоционально-психологическое воздействие на читателя становится важнейшим художественно-эстетическим приемом. Обратимся к истории создания произведения. Так, как отмечают исследователи, «задумка написать о судьбе своей бабушки появилась у автора давно. В семилетнем возрасте семью бабушки Гузель раскулачили и отправили на Ангару. В Сибири она провела шестнадцать с половиной лет. Но героиня романа совсем другой человек, в основу взят только биографический сюжет с раскулачиванием и высылкой татарской семьи. Только два факта, действительно имевшие место в жизни бабушки Гузель, включены в роман. Это затонувшая баржа с переселенцами и ссыльный учитель математики Киселев, который является автором школьного учебника. Как подчеркивает автор, из жизни бабушки она черпала вдохновение, но не информацию. Чтение мемуаров тех людей, которые были раскулачены в начале XX века и были высланы в Сибирь, помогло ей в формировании фактического материала романа» (Аскар, 2019, с. 1747).

Таким образом, сама писательница Г. Яхина прямо указывает на то, что в сюжетной основе произведения лежит документальный материал, черпаемый из воспоминаний очевидцев. Точнее, «мы встречаемся с советской историей в национальном варианте» (Аюшиева, Хосомоев, 2019, с. 189), «с соцреалистическим романом о коллективизации, где присутствует “этнографическая экзотика”. Он рассказывает об истории мучений, унижения раскулаченных крестьян – “бывших людей”, лишенных отчего дома и сосланных в безлюдные места за тысячи километров образумиться и приносить пользу обществу» (Савкина, Розенхольм, 2016, с. 22-25). Однако, в отличие от «Воспоминаний» С. Николаева, произведение Г. Яхиной – это художественное произведение. И как в любом образце художественного творчества, на наш взгляд, для него характерны типизация, вымысленность и эмоционально-субъективная оценка автором происходящего и характера героев. Именно поэтому автор «смещает ракурс исторических катаклизмов на сферу частной жизни на сломе эпох, которые, несмотря на четкую фиксацию (1930 год “великого перелома” – начало сталинских репрессий – Великая Отечественная война), выступают как фон, “декорации” перипетий судьбы человека» (Лепишева, 2021, с. 159-160). То есть происходит показ трагедии отдельного человека через трагедию исторического времени.

Вместе с тем отдельно нужно оговорить «этнографическую экзотику», «советскую историю в национальном варианте» романа Г. Яхиной. Так, определенный национальный (татарский) мир героя автор в основном воссоздает в первой части романа «Мокрая курица». Для этого она настойчиво и часто использует слово «Аллах» (Аллах Всемогущий, Слава Аллаху, Всевышний), описывает быт и повседневные дела Зулейхи, показывает отношение мужа и свекрови к ней в семье, указывая таким образом на мусульманский мир со своими традициями и запретами. Наряду с этим на Зулейху возложена и миссия показа народной культуры и веры. Поэтому в тайне ото всех героиня проводит ритуалы умолиствования разных духов: «Угодить духу – дело непростое. Знать надо, какой дух что любит. Живущая в сених *бичура* (домовой, низший дух. – А. М.), к примеру, – неприхотлива. Выставишь ей пару немых тарелок с остатками каши или супа – она слижет ночью, и довольна. Банная *бичура* – покапризнее, ей орехи или семечки подавай. Дух хлева любит мучное, дух ворот – толченую яичную скорлупу. А вот дух околицы – сладкое. Так мама учила» (Яхина, 2018а, с. 25).

Вера в разных духов, описанная в романе, на наш взгляд, это, с одной стороны, изображение уникальной культуры татарского народа, в которой гармонично уживаются народная вера (ее еще можно обозначить термином «народный ислам» (Абдулагатов, 2018)) и мусульманская культура (здесь мы можем констатировать ее схожесть с чувашской культурой, в которой также старая чувашская вера синтезируется с православной культурой), а с другой стороны, для главной героини это способ заглушить внутреннюю боль, исцелить свою душу. Так, она верит, что духи согреют и защитят ее умерших, новорожденных детей: «Когда Зулейха впервые пришла просить *басу капка иясе* (дух околицы. – А. М.) об одолжении – поговорить с *зиратиясе*, духом кладбища, чтоб присмотрел за могилами дочек, укрыл их снегом потеплее, отогнал злых озорных *шурале* (дух леса, леший. – А. М.), – принесла конфеты» (Яхина, 2018а, с. 25).

Естественно, большую часть сюжета «Зулейха открывает глаза» занимает проблема коллективизации, раскулачивания и ссылки. Такую особенность произведения выделяют многие исследователи романов Г. Яхиной: «Роман описывает жизненный путь главной героини Зулейхи. Обычная деревенская женщина после страданий и унижений внутри семьи становится жертвой репрессий. Через весь роман автор пытается раскрыть проблему раскулачивания. Одной из жертв раскулачивания как раз стала Зулейха» (Низамбиева, 2020, с. 165); «Ценность произведения Г. Яхиной заключается в типичности и универсальности образа главной героини, в котором узнается судьба многих и многих репрессированных и раскулаченных “врагов народа”, сумевших сохранить “вертикаль духа” в античеловеческих условиях» (Кумышева, Кучукова, 2016, с. 19) и т. д.

Г. Яхина действительно «претендует» на историческую правду в своем романе «Зулейха открывает глаза». В этих целях на протяжении всего повествования она акцентирует внимание на времени и исторических датах: «В тысяча девятьсот пятнадцатом, сразу после свадьбы сына...» (с. 30); «Большой голод в двадцать первом...» (с. 31); «Вот вам – реквизиции в шестнадцатом! – Муртаза перерубает кости легко, как ветки. – Продуктовые армии в восемнадцатом! Девятнадцатом! Двадцатом!» (с. 62); «В тысяча девятисотом году, на рубеже веков...» (с. 112); «Когда в тысяча девятьсот двадцать первом в профессорскую квартиру стали подселить жильцов...» (с. 126); «В конце тысяча девятьсот двадцать восьмого тоненький ручеек раскулаченных потянулся...» (с. 143); «И зимой тридцатого года превратился в могучую реку...» (с. 143); «Февраль тридцатого года выдался урожайным – Игнатъев привез в Казань четыре партии раскулаченных» (с. 144); «Ранним утром первого весеннего дня тысяча девятьсот тридцатого года...» (с. 148); «Когда по принятому в августе восемнадцатого года декрету Совнаркома “О правах приема в высшие учебные заведения”...» (с. 255); «Вечером последнего дня лета тысяча девятьсот тридцатого года...» (с. 288); «Так Игнатъев узнает, что с тысяча девятьсот тридцать первого года все трудовые поселки...» (с. 323); «Население пока еще безымянного поселка составляло в июне тридцать первого года...» (с. 329); «Еще в январе тридцать второго вышло постановление Совета труда и обороны СССР...» (с. 368); «Война пришла в Семрук отзвуком далекого эха» (с. 455); «Весной сорок второго Кузнец явился, как всегда...» (с. 457); «А одиннадцатого апреля сорок второго года Государственный Комитет Обороны СССР все-таки принял постановление...» (с. 463); «Ясным майским днем сорок шестого года юркий синий катерок...» (с. 474).

Как видим, хронотоп романа «Зулейха открывает глаза» укладывается в период с 1928 года по 1946 год. При этом художественное время здесь совпадает с историческим временем и является линейным. На наш взгляд, стремление писателя к хронологическому повествованию связано с ее желанием убедить читателя в исторической достоверности происходящего. В этих же целях автор упоминает и официальные документы: декрет Совнаркома «О правах приема в высшие учебные заведения» (с. 255); постановление Совета труда и обороны СССР «О семенах для спецпереселенцев» (с. 368); постановление Государственного комитета обороны СССР о призыве трудпоселенцев на военную службу (с. 463).

Совсем иное повествование наблюдается в романе Г. Яхиной «Дети мои». Здесь писатель также делает акцент на исторические события, но их смысл полностью «обесценивается» на фоне описаний душевных переживаний и жизненной трагедии главного героя – учителя Якоба Ивановича Баха. Именно поэтому роман «Дети мои» – это в первую очередь произведение о несчастном и одиноком человеке. Исторический фон, который хочет создать писатель, здесь не имеет никакого художественно-эстетического значения, он как бы вынесен за «скобки» – суть исторических процессов романа объясняют такие главы, как эпилог, календарь Якоба Ивановича Баха и комментарии. Процитируем для наглядности несколько примеров из части «Комментарии»: «С. 101: ...назвал его про себя Годом Безумия... В 1918-1919 годах в Поволжье развернулись многие ключевые события Гражданской войны. На Нижней Волге как военное формирование Красной армии действовала Волжско-Каспийская военная флотилия, в состав которой входило более 200 судов, а также Воздушная

бригада» (Яхина, 2018b, с. 490); «С. 259: *За короткую июльскую ночь тысяча девятьсот двадцать седьмого года...* Спешное возвращение Сталина в Москву было вызвано нарастанием оппозиционной борьбы. Вскоре после этого лидер левой оппозиции Лев Троцкий был выведен из рядов ЦК ВКП(б); затем, после неудачной попытки государственного переворота в ноябре 1927-го, – из Коммунистической партии; в начале 1929 года выдворен из СССР; в 1940 году – убит агентом НКВД» (Яхина, 2018b, с. 493); «С. 409: *...длинной и прочностью шерстяных волокон наслаждались пальцы Андрея Петровича Чемоданова...* Андрей Петрович Чемоданов (1881-1970) – русский и советский бильярдный мастер, тренер И. Сталина по бильярду» (Яхина, 2018b, с. 494).

Исторические личности и события в романе Г. Яхиной «Дети мои» не «взаимодействуют» напрямую с главным героем, не влияют на его жизнь и судьбу. Они больше выглядят определенными «вкладышами» в повествовании. К примеру, глава седьмая части «Жена» (здесь описаны события во время болезни В. И. Ленина), глава шестнадцатая части «Ученик» (повествование про литерный поезд, символизирующий все преобразования в молодом советском государстве), глава двадцать девятая части «Дети» (про вождя, советских немцев, Ежова, НКВД и т. д.).

Для писательницы Г. Яхиной в романе «Дети мои», как и в романе «Зулейха открывает глаза», важно воссоздать определенный национальный мир героя. Если в «Зулейха открывает глаза» это мир казанских татар, то в «Дети мои» это мир поволжских немцев. А вот в книге «Воспоминания» С. Николаева такого национального мира нет. В отличие от Г. Яхиной, которая повествует историю из жизни одного героя (что весьма типично именно для поэтики художественного произведения), С. Николаев пишет историю всей страны глазами одного человека.

Заключение

Детальный анализ романов Г. Яхиной и книги С. Николаева приводит к следующим частным выводам: любое художественное произведение воссоздает свою действительность. Однако создаваемая писателем действительность может иметь мало общего с реальной историей жизни как отдельного человека, так и страны, региона. Любые совпадения исторических фактов – это всего лишь способ изображения действительности реализма как художественного направления литературы. Они всегда подвергаются определенному эстетическому воздействию (преуменьшению или преувеличению (гиперболизации) значимости, концентрированности или «распылению») и способствуют созданию определенной художественно-исторической действительности лишь определенного произведения, определенного автора. Так и романы Г. Яхиной являются художественным переложением определенного исторического периода страны, определенных исторических событий и ее восприятием этих событий.

Более объективное представление исторического материала как исторической правды прослеживается в мемуарном жанре литературы. Хотя и здесь о полной объективности говорить нельзя, так как все события и явления в любом случае преломляются через духовно-нравственный (субъективный) взгляд автора. В мемуарах С. Николаева беспристрастность повествования достигается эмоциональным отстранением (насколько это возможно) и использованием менее экспрессивной лексики.

Перспективы дальнейшего исследования данной темы лежат в области поэтики современного романа, исторического жанра, художественно-документальной прозы и мемуарной литературы.

Источники | References

1. Абдулагатов З. М. «Народный» ислам: особенности социологического анализа // История, археология и этнография Кавказа. 2018. Т. 14. № 3.
2. Аскар Л. О. Заметки о романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» // Русское слово в многоязычном мире: мат. XIV конгресса МАПРЯЛ. СПб.: МАПРЯЛ, 2019.
3. Аюшиева В. М., Хосомоев Н. Д. Размышление о романе Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза» // Сохранение, изучение и популяризация наследия: опыт участия и векторы развития: мат. всерос. с междунар. участием науч.-практ. конференции. Улан-Удэ, 2019.
4. Кумышева Л. Ч., Кучукова З. А. Этногендерный аспект романа Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза» // Литературное обозрение: история и современность. 2016. № 6.
5. Лепишева Е. М. Мелодраматизация террора: отклонение от жанровой нормы в романе Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза» // Норма и отклонение в литературе, языке и культуре / под ред. Т. Е. Автухович. Гродно: ЮрСаПринт, 2021.
6. Москалев Г. Л. Охрана исторической правды: новая задача российского права // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2022. № 15 (8).
7. Мышкина А. Ф. Образ жесткой жизни в чувашской литературе // Ашмаринские чтения: сб. мат. XI междунар. науч.-практ. конференции. Чебоксары, 2019.
8. Мышкина А. Ф. Современная чувашская художественно-философская проза и нравственные идеалы народа (по творчеству Д. Гордеева) // Актуальные проблемы изучения и преподавания литературы в вузе и школе: мат. VII науч.-практ. конференции (г. Йошкар-Ола, 8-9 ноября 2007 г.) / МГПИ им. Н. К. Крупской. Йошкар-Ола: МГПИ им. Н. К. Крупской, 2008.

9. Мышкина А. Ф., Ядранская И. В. Дети эпохи или раб своего времени (о системе образов и образе эпохи в литературе) // Развитие образования. 2021. Т. 4. № 2.
10. Низамбиева И. И. Языковой портрет репрессированной женщины (по роману Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза») // Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики: IV междунар. науч.-практ. конференция, посвященная 55-летию факультета иностранных языков ЕИ КФУ. Елабуга, 2020.
11. Паринова А. С. Комплекс мотивов ада ирая в современной русской прозе, посвященной лагерной тематике (на материале романов Захара Прилепина «Обитель» и Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза») // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2020. № 4 (39).
12. Савкина И., Розенхольм А. Секрет ее успеха: размышления о романе Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза» // Лабиринт. 2016. № 3-4.
13. Старикова Л. С. «Лагерная проза» в контексте русской литературы XX века: понятие, границы, специфика // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. Т. 4. № 2 (62).
14. Тимижев Х. Т., Бозиева Н. Б., Хульчаева М. Х. Историческая действительность в литературной интерпретации 90-х годов XX века // Успехи современной науки и образования. 2016. Т. 2. № 7.
15. Ханенко О. С. Жанрово-стилевые особенности современной исторической прозы (на примере романа Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза») // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. 2017. № 2 (12).

Информация об авторах | Author information

RU**Мышкина Альбина Федоровна**¹, д. филол. н., доц.**Исаев Юрий Николаевич**², д. филол. н., доц.**Ядранская Инесса Владимировна**³¹ Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары^{2,3} Чувашский республиканский институт образования, г. Чебоксары**EN****Myshkina Albina Fedorovna**¹, Dr**Isaev Yury Nikolaevich**², Dr**Yadranskaya Inessa Vladimirovna**³¹ I. N. Ulianov Chuvash State University, Cheboksary^{2,3} Chuvash Republican Institute of Education, Cheboksary¹ alb-myshkina@mail.ru, ² isaev2828@yandex.ru, ³ inessa_yadranskaya@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 07.12.2023; опубликовано online (published online): 18.01.2024.

Ключевые слова (keywords): исторический роман; мемуарная литература; Гузель Яхина; Семен Николаев; historical novel; memoir literature; Guzel Yakhina; Semyon Nikolaev.